

Ликование ликов и личное уверение через образ

Символ... по мере нашего постижения его всё более истончается грань между человеком и неизобразимым Первообразом. И всё более выявляется немощь символа, излишество его посредничества, как и немощь разума в непосредственном познании Бога. Лишь Собственным произволением Господь открывает Себя. А символу - посреднику свойственнее преклонять разум к смирению перед Непостижимым. Свойственно более, чем окрылять дерзновение – постигнуть, проникнуть в тайну.

Символ от Бога через творчество человеческое, либо иначе, прежде всего, обращён к человеку, - так Господь хочет приоткрыть Себя. Лишь в свете этого произволения Божьего символ изведён и обращён от человека к Богу. Символ – для человека, он не требуется Всеведущему Богу «с той стороны». В образе, содержащем символ, мы силимся обрести и - обретаем некую двустороннюю, взаимно – проникновенную связь Первообраза Бога и Его образа в человеке. Изрядно и многословно – мы размышляем об этом, замираем перед образом, перед его красотой и далеко не всегда – удосуживаемся распознать смыслы, воспринять и усвоить влечения, предложенные нам в символах. И символы, и смыслы – нераспознанными - растворяются в образной красоте, вмещаются красотой и, повторимся в который раз, - так часто совсем не предполагают прочитывания их нами. Язык образа – символ – не для выучивания, не для нашего говорения в ответ ему. Скажем так, что некоторые письма вовсе не для усвоения, но более – к любованию нашему. Смысл, явленный символом на некоем нарочито неизвестном языке может доносить нам лишь о своей закрытости от нас. И нам - достаточно знать о не проявляющихся «идеях», не имея дерзновения к распознаванию сокровенного. Достаточно знания о сокровенном, чтобы восторгаться образом помимо его осмысления, помимо неуёмного насыщения алчного и пытливого, ненасытного разума. Достаточно к тому, чтобы образом пробудиться бездеятельной душе и оживиться усопшему духу.

Нуждается ли человек в символе при личном сообщении с Богом перед образом откровенным... или вообще вне образа... Ищет ли человек символа, как видимого, осязательного, утешительного разуму - восполнения некоего недостатка в образной полноте... Жаждет ли молящийся человек символа, как истинного и единственного содержания в образе, посредствующего в Богу. Изнемогает ли мастер-образотворец, изображающий Неизобразимого и не находящий в немощи творчества иных способов к изображению, кроме символизма... Ужели неизбежно - изнемогает образотворец и, обессиленно, – лишь символизирует неизобразимого Бога... Изнемогает ли человек перед образом вне символизма, вне разумного понимания, вне доступного символического прочитывания смыслов... или вовсе не прибегает к «прочтению», даже известного прежде и пре-поданного в символе, благодарно перед образом – вознося поклонение Первообразу, утаивающему Себя. Полагаем ли всяческое уразумение уже излишним, избыточным, почти кощунственным, когда Сама Полнота – собственно Бог проявляется перед нами в доступном для нас образе. «Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои, изреку сокровенное от создания мира».(Мф.13:34-35) Разумеет ли к своим помышлениям под притчей – символ, посредствующий между нашим разумом и Господом. Полнота – преподана символом достаточной к нашему усвоению и не умалена ничуть. Но преподана снисходительно к нашей немощи – уразуметь и воспринять её,

исчерпать Полноту своим разумом, уравнивать себя Полноте – Богу. Предосудительно, губительно такое дерзновение. Но ужели мы – вполне удовлетворим разум и всего себя – притчей, символом и не станем дерзать на большее, на мистическое осязание, усвоение Бога, на предание себя Ему ко взаимному усвоению... Быть может, до времен, по мере нашей, открывающейся нам Господом Безмерным. И возможно ли нам сверх откровенного – разуметь через символ... Да молчит всякая плоть человека... И да исправится молитва – моя перед образом Твоим, молитва не как отвлечённый от Бога познающий акт, но как возделывание пути Господа к сердцу, откровенному перед Ним. Молитвы, как приготовления в себе ясель к Его восшествию, во-площению, во-человечиванию в тебя... Такие тонкие грани – наполняют, переполняют нюансами взаимоотношения Бога и человека при посредствовании образа, торжествующего в этом посредствовании... сияющего перед нашим взором сердечным, восходящем через образ к поклонению Богу.

Познаваем ли Бог вне образа? – веруем, что - познаваем. Но по неизреченному благоволению к нашей немощи и к падшести образа в нас - некогда воплотился Сын. Восставил в человеческом естестве падшего Адама, соединённого с естеством Бога. И церковь – торжествует о Господе воплотившем Ся, распятом нами и воскресшем... а значит – осязаемом, описываемом нами, изображаемом нашей немощью, воспринимаемом, не дидактически, но пусть бы «гадательно», уверительно, приточно... но - достоверно - через эти изображения. Более того, образом – вмещается и преподаётся опыт личного и общецерковного соприкосновения со Христом. И торжествует церковь о изображаемом Господе – торжествует в почитании святых икон.

Удалимся от крайностей. Устранимся от чуждого мнения, от неистовой лжи о том, что Христос познаваем лишь через символ Его... отстранимся и от того, чтобы помышлять о Христе, как о некоем символе, как о чистом Логосе, отделённом от человеческого естества. Отстранимся же и от самих помышлений о том, чтобы выхолостить образ от всяческого символизма, как от некоего излишества. Жив Господь – и Непознанный нами – жив воистину так. В тонком балансе символизма и образности – перед нами воистину Богооткровенно - торжествует икона, не увлекаемая ни в бессодержательное, обесмысленное изображение... икона, не обессиливающая в художественности, подавляемой символизмом. В тонком балансе смыслового наполнения и образного совершенства – образ перед нами и для нас – выявляет наше молитвенное согласие, созвучие, сопричастность Первообразу, обретает видимую нами, вмещаемую нами, духоводящую нами изобразительную и художественную полноту. В этой полноте – сохраняет себя и существует православие, ликуя о Господе в своих иконах, ликовствуя на радость и на утверждение нам, ликовствуя святыми ликами, исполненными и образной красотой, и символическими смыслами.

Как пробирается к нам живой Бог, каким образом Он - проникает, входит в нашу текущую жизнь, ведомо или неведомо нам - со-присутствует, со-действует нам, - становится осязаемым, познаваемым, становится частью нашего существования. Его бытие, Его Аз Есмь Существование – со-существует вместе с нами и в нас... Из каких жизненных обстоятельств устремляется к нам манящая, взывающая к нам, пробуждающая нас воля Господняя, никак не препятствует, не отнимает от нас, не ограничивает Собой воли – нашей, дарованной нам. Насколько вообще свобода моей воли в болезни моего без-

образия, моего без-подобия - определена волей Господа... Обретаю, оформляю, нахожу форму растекающейся личной воле – только лишь в сочетании, в согласии, в личной сообразности Первообразу. И дивно - не утрачиваю при этом своей свободы – свободно жаждать своего Творца, желать естественного своего – уподобления, и не желать ничего неподобного, не подобающего моей природе. Как вникает ко мне Бог? Как открывает во мне проблески сокровенного Своего дара – свободную, естественную жажду личного уподобления, болезненное томление в безобразии своём... - только это безобразие и принадлежит мне самому, прочее – от Господа – мне, неблагодарному, зло-нравному.

Уже ли рассуждения об образе – есть одни лишь слова, не наполненные сущностными смыслами и содержанием, - кимвал звенящий, да медь пустозвонная, - от которых ждать одного только распространения, рассеивания, исчезновения звука в окружающей пустыне. Гласы вопиющие – удобно иссякают в ней. Или про-исходит это жалкое слово о сущностной полноте - от Божественного наполнения, пусть бы только лишь от одного прикосновения кровотока грехом образа во мне – к Первообразу. От расцелованного Господом бездеятельного намерения обращения к Нему - исходит живая сила к моей личной, безликой немощи... и вот – источаю слова... вопию гласами... извергаю свидетельство исключительно личное, опытное, знание пререкаемо. Безупречно, заверено печатью верной одно только свидетельство до смерти – собственно мученический подвиг за Христа, когда сама жизнь – цена и вес этого свидетельства убедительна и не-оспорима. Слово, самое яркое, самое вы-разительное – истаёт неизбежно. И чем отзовется? И ужели отзовется кто-то? – важно ли это... Важнее произнесение от глубины тронутого Богом сердца – произнесение - и да слышит Господь, ведающий сердца... и да не отринет Сам. Внешнее торопливое безразличие - скептически превознесётся над отдалённо услышанным свидетельством о личном проникновении, прикосновении, умилоствлении Бога... как превознесётся же и над свидетельством мученичества за Христа... И нет у человека сил уверить кого-либо в лично пережитом, имманентном, сокрытом, невидимом, таинственном. Физически нет никакой возможности передать полученное, поделиться дарованным даром ведения о Даровавшем. Ступай и никому не рассказывай о случившемся... или расскажи священнику... Но открыть Себя Бог может только Сам Духом Своим, Который дышит произвольно. Вот и цель нашего существования – подтверждаема вполне – о стяжании этого Духа... Господнего... увы, не от людей.

Внимательный взгляд человека православного, текущего в строгом и выверенном русле святоотеческой традиции, остережётся соблазна и лжи, сочтёт за лучшее и безопасное – удалиться от всяческих не выверенных святостью и не принятых соборно суждений. Такой человек предпочтёт скорее устраниваться от образной связи с Богом, чем доверится ей, не выверенной, не засвидетельствованной соборным Богооткровенным опытом. Зачастую... и как правило – так. Остережёмся соблазна, взывая, не ждём отклика, моля о милости Господней – не ожидаем её. Признавая своё недостойнство – не допускаем дерзновения. Это, похоже на то, если бы произнеся, «Боже, милостив буди мне, грешному» мы не приступали ко причащению Тайн. Не по нашему достоинству – это грех фарисея... Не по недостойнству нашему – по Твоей милости к недостойным - иначе мытарев грех. И не найдём ли в нерешительности, в осторожности, в бездерзновенности перед милостью Господней - признака самооскопления Богоданной свободы...

сомоотстранения от вероучительной практики, торжествующей в почитании образа. Словно бы пробуждая дерзновение в нашей робости – чудотворствует Господь через образы Свои мироточащие, кровоточащие, плачущие... чудодействующие. И пробуждается дерзновение в нас, пусть бы в виде благодарения. В противоположном пределе – косность в противлении, недо-верие благодатствующему Богу, отвержение дара свободной воли. Или же - атомизация собора к расцерковлению, к гибели на беспутьи уединённого свободолобца, начавшего с недоверия благодати, недования, оправданного благочестивой настороженностью к ответу Господа на молитву к Нему... Могу в высказанном суждении полагаться на себя самого, на комплекс интуитивных впечатлений и гадательного разумения... на незримую, но ощутимую руку Господа, простираемую всем нам и каждому лично, - могу... никому не навязывая ни себя самого, ни суждений разумения иль неразумия. И надеяться на Бога - и не плошать, – так советует простоватая с виду народная мудрость, не расставляя приоритетов меж упованием и дерзновением. Образ Господа – явлен... милость Его – ощутима... и – принимаем к милости этой, прикладывая себя к образу в почитании, в благодарении...

Как удержаться на пути выверенном и равновесном в общем соборном предстоянии. Как сохранить и личное разумение в единомысленном, единосердечном соборе? Лишь обретя в себе разум Христов... О сем разумении, об этом единстве – усердная общая молитва, приуготовливающая нас к восшествию Бога. Ужели не внидет Господь к уединённому? Внидет, безусловно – внидет... Но воспринять Его возможет человек в глубины свои – только как часть общего тела Христова, как часть церкви – воспринять всего Христа, стать Христом по благодати – только лишь, как часть церкви... стать частью Христа лишь в Теле Его – в Церкви... не иначе.

В виду ли образа Божьего, вне ли вида Его – убоимся и устрашимся Бога, но паче устрашимся себя, недостойного перед Ним, устрашимся и убоимся во глубине своей – вознегодует от греха, отстраняющего нас, разлучающего со Христом.. И приступим со страхом и трепетом – приступим к Живому Богу, - да внидет Он Сам в нас, дерзновенных не по разуму... Да внидет Сам в достоинство моё. По одной только нашей вере, по доверию нашему – отзовется и внидет. Веруем: снизойди к неверию нашему, к неведению и неверию моему – снизойди – и приступаем к Тебе...

Что же есть образ перед нами, что образ Бога в нас – перед образом иным? Опираемся и на традицию иконопочитания, почитания Первообраза в образе – представленном передо мной, как перед частью соборного единения. Иконопочитание – неоспоримый факт и укоренённая традиция нашего личного и соборного благоговения перед образом. Так – почитаем образ и благоговеем перед образом не как перед Богом, воплотившемся в некоей новой форме человеческого произведения искусства, но как перед Первообразом, о котором свидетельствует нам икона... до самой своей смерти – и самой гибелью образ – свидетельствует нам.

Вовлекаемы образом – вовлекаемся, - вовлекаем себя...- встраиваемся в пространственный образ, вникаем в таинство Богослужения, в деятельный строй таинства. Высшая точка, высшая цель совершающегося – Сам Бог, Христос. Изъять Христа из Литургии – и нет её. Изъять полноту причастия Христа – и незачем внешнее оформление храма, пустотен символизм внутреннего устройства, не отображающий духовного космоса,

незачем иконы, незачем служение Богу, если Его нет с нами, если не присутствует Он перед нами, если не Он не проникает в нас, духовно непроницаемых, если мы, духовно невосприимчивые – не проникаемся Им всем своим существом, если грех в нас не опаляем восшествием Христа... незачем всё тогда. Если нет перед нами таинственно присутствующего и ощутительно проникающего в нас Бога Живого – то зачем нам и образ Его, образ некоей нашей фантазии, производной от нашей пустоты... Но сами живы ли мы вне Его? Может ли образ – свидетельствовать о чём-то обезверившемся сознанию... Может ли образ уверить нас... именно – меня в существовании Бога?.. Повторимся, вновь цитируя отца Павла: если есть Троица Рублёва, значит есть – Бог. Этот образ – есть Истина перед нами. Пусть, не способен образ отвернувшегося от него человека – обратиться к себе и ко Христу, но силен развернуть человеческое лицо ко Господу, чтобы Сам Бог – призрел на человека, пусть неосознанно - обратившего себя. Само по себе эстетическое соприкосновение с образом, прикосновение чувствительных способностей человека к образу, разума – к символу, любование красотой, – ещё не есть обращение человека, не есть проникновение во Христа, не есть уверение в Невидимом, не есть даже некий внешний акт нашей веры. Более того, любование красотой образа может стать самооправдывающей, надмевающей, останавливающей на пути ко Господу – преградой, оправданием замыкания в довольстве собственными чувствами, собственным самоуслаждением, которое не предполагает никакого дальнейшего движения. Радость от соприкосновения с красотой образа, с его совершенством вполне может удовлетворить человека... но лишь отчасти и лишь на время, выявить некое ощущение достаточности полученного, пережитого перед образом... и отвратить от Бога Живого. Любование, как переживаемый эстетический акт отнюдь не достаточен, совсем не то, к чему влечёт образ. Замыкание в чувственных наслаждениях пред образом, составление поэтических рефлексий, научных исследований – не есть отдание сердца и самой жизни человека в тёплые руки Богу. Человек перед образом вполне может остаться как бы на поверхности бликов взволнованного рассветного моря, радостно любясь ими... и не проникать вглубь. Может замереть человек недвижно и остаться в любовании переливами этих бликующих граней красоты, этих переменчивых малых волн, вспенивающихся крупных валов, сотрясающих и будоражащих воображение... остаться таким чутким «маринистом» образной поверхности, никогда не испытывавшем ни самой влаги, ни даже веяния полноты духовных глубин, ни утоления жажды живительной влагой, просоленной благодатью... И вновь повторимся, почти противореча себе: глубины духовные – уже не нуждаются в образе, входящий во глубину – забывает о манившей поверхности световых отражений, - образ уже не нужен, когда соприкасаются и взаимно проникают сущности. Заменит ли слово, услышанное свидетельство о соприкосновении и проникновении – заместит ли собой собственно само проникновение. Конечно же, нет.

Является ли образ явственным свидетелем о Боге?.. Свидетельство – действительно, если действует через него Сам Свидетельствующий о Себе – Бог. Есть ли у Господа иные, помимо образа способы этого свидетельства? Несомненно: где хочет – Дышит Дух... и как хочет того – дышит нам. Свидетельство посредством проявления человеческих образотворствующих свойств – одно из проявлений Бога. Одно из... Но - проверенное, вымоленное, воспринятое, выверенное благодарными восприимчивыми, намоленное соборно. И – предстоим перед образом, хотя бы любясь и радуясь переливам духовных отсветов на ликах... пусть так теперь. Предстоим, благо-дарные... предстоим об-

радованные – и не ждём ничего в искреннем своём, умиленном благо-дарении, в тихой своей потаённо цветущей радости перед образом. Настраиваем свой внутренний строй на лад общего служения способом проверенным, выверенным столетиями молитв, опробованным и благословенным общецерковной практикой молитв и причастия Господу. Настраиваем чувствилища своего естества: запах, осязание, вкус, обоняние, зрение... - настраиваем на образный камертон, принося к проявлениям образов. Настраиваем ум свой шаткий, удерживая его в размышлении о Первообразе... веселим его распознаванием символа – прежде, чем усилиться в утишении перед Богом. Безнадёжно это само-устройство, не достигнет ничего, если в ответ не проявит Себя Сам Господь. Можем ли надеяться понудить Его к этому ответу. Можем ли изобрести некий способ понуждения... И не помыслим, нечестивые, о том. Вера и есть – то самое спокойное пребывание в благоговейном и деятельном ожидании Божьего благоволения, Господнего произволения к нам, изъявления милости к нашей молитве. Вера – и есть уневещивание Христу наших чувств, нашего сознания – Тому, Кто не видим нами, Кто остаётся за пределами наших познающих способностей, самого ума нашего за пределами. И Господь не замедлит, укрепит нас, неверчивых, - укрепит, утеплит нашу веру... упокоит Собою, пусть и Неведомым Собою – наше ожидание. И се: не обманываем себя, - уже, пусть на миг един - умягчается злое сердце, уготавливается предложить себя руке Господней. О себе, лишь о себе одном возможно говорить тут, не переставая стенать о милости. Божьей перед образом Его. Настраиваемся торжественным, триумфально ликующим образным пространством на восприятие Христа, настраиваем себя, собираем свои составы воедино, в некую человеческую целостность на личное ликование пред Господом, входящим к нам, - объединяем себя, личное делание в общем Богослужении – пред образом и ввиду образа, как бы внутри оформляющей нас внешней формы. Благодарно – почитательно – взываем внутри образа, выправляя свои пути по зову Предтечи - да внидет Бог.

Словесное изложение уверения – есть выражение предмета нашей веры в нашем общем и лично моём – Символе Веры, собственно Credo, выверенное и выговоренное отцами Вселенских соборов. Чеканная формула, совершенная форма, вмещающая словесный, вербальный образ Бога, насколько Он соизволяет явить Себя нашему вниманию, нашему разумению, насколько Он со-изволяет нам вместить Себя в наши слова, в наш ум и в наше сердце. Ни слова в Символе Веры собственно об образе Божьем, о необходимости стяжания Бога через образ, - ни слова, если, не прочитывать почитательно, не воспринимать как образы – сами слова, словесные именованья смыслов – Именуемого нами Троиединого Бога Отца, Сына и Святаго Духа. Именуем Бога словесным Символом – иконой нашей веры – и ликует Бог в Символе нашей веры. Символ – от святых во Христе отцов – глаголет нам. И мы – изглагольваем, воспеваем свидетельство личного уверения - свой, от отцов воспринятый, Символ, с завидной регулярностью на всяком молитвенном правиле, во всякое утро, на всяком Богослужбном деянии... перед каждым причащением – соборне – облакаем свою личную веру словом Символа. Так, мы выявляем в слове, свидетельствуем, исповедуем нашу веру в невидимое - перед восприятием Христа, перед вхождением Бога в нас, в каждую живую обитель соборной Церкви, Дома Господнего. Пусть так: нашему облагодатствованному недостоинству, и восприняв Христа в причащении, - не распознать Его... Пусть так: едва только отойдём от Чаши, только замыслим благоговейный шаг от неё, отнимем восприявшие Бога уста... - и сразу же погружаем себя в привычный грех... Господь –

проникает в отворённые уста, да не в осуждение, но в Жизнь вечную – входит к нам со славою Своей, вносит в нас Свою Славу... прославляет нас Собою Правый Бог... о-православливает наше естество... И пусть эта Слава Господняя не распознаётся нами вполне – несём её во глубине своего естества, опалённом Славой Божией во глубине составов. Нуждаемся ли перед этой Славой – Христом и в восприятии Славы – Христа в образе ином? Пред Чашею – уже и нет. Образ ли перед нами Хлеб и Вино? – да не помыслим такового, вкушая Плоть и Кровь. Покров милости Божьей на наших чувствилищах, не приготовленных зреть и вкушать, обонять и воспринимать Входящего в нас таковым, как Он – есть. Образ Святых Даров есть прикрытие сокровенного естества Бога. Образ, не раскрывающий Божественное естество, но, напротив, сохраняющий нас от повреждения в непосредственном со-зерцании, со-бытии с опаляющим нас Христом во Славе Его. Образ ли Чаша или действенный рупор свидетельства Христа о Себе – врата проникновения Его в нас. Образ ли литургия, мы сами в ней образы живые – входим в области таинственного к восприятию Живого Христа. Возможно ли увериться в большем человеку прелюбодейному и грешному, не имеющему в себе живого, наученного подвигом и благодатью, деятельного органа, способного познавать Бога. Что есть этот познающий орган? – отнесём это вопрошение к опытному самопознанию человека, а более – к Милующему, Вразумляющему нас. Это ли ум, затепливающий душу и опаляющий образ Бога в человеческом естестве. Это ли образ Творца в человеке, пробуждающийся и в уподоблении Богу – ищущий духоводящего образа на пути к Богу, образа, отзывчивого гласом Христа... Пользуемся не то, чтобы органом чужим, - скорее, не чуждым наследием, преподнесённым нам, унаследованными средствами красоты, живого письма, - восхищённо - пользуемся образом намоленным, благодатным, прославленным, уверительным. Дозволим себе уверение образом - и уверимся им, прильнём к нему, неизменному, да не отпадём, да возвратимся, поелику это возможно и насколько Господь – отвергнет или примет нас, насколько достанет у нас отпущенного времени земного существования к нашему возвращению... И коль будем возвращаемы - возвратимся из своего недостойнства - к Славе Господней, вглубь её, во славу правую, где обретём своё... милостью благоволения Христова - место в чине утраченного последования сыновства Божьего.